

Вяземский П. А. О литературных мистификациях, по случаю напечатанного в 5-й книжке "Вестника Европы" второго и подложного разговора между Классиком и Издателем "Бахчисарайского фонтана" // Пушкин в прижизненной критике, 1820-1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. - СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. - С. 162-164.

<http://next.feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vpk/vpk-162-.htm>

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

О литературных мистификациях, по случаю напечатанного в 5-й книжке "Вестника Европы" второго и подложного разговора между Классиком и Издателем "Бахчисарайского фонтана"

С некоторого времени мистификации вошли в моду в кругу нашей литературы, и бедные читатели, сущие жертвы авторских проказ, не знают, кому и чему верить. Созии¹ расплодился! Г-н Н. Д.*, прославившийся на поприще театральной критики *готовностью* говорить о драматическом искусстве и который между тем в ожидании вдохновения, следуя пословице, просидел *на посуле как на стуле*, или, правильнее, *на креслах театральных*, напоминающих нам на этот раз усыпительную силу кресел Французской Академии**², брался несколько раз быть Созием *Жофруа*, но не собрался с силами; там *Аристотелид* затейливо разыграл роль Н. Д. Но Н. Д. вступился за лицо свое и с аттическим остроумием³, ему свойственным, обличил дерзновенного Созия; но в слепоте гнева не распознал его и ввел читателей в обман, принеся на жертву негодование своему невинного вместо виноватого⁴. Зрителями ожидается еще развязка этой шутки, как вдруг "Вестник Европы", также порядочный мистификатор в своем роде, выводит на сцену новую мистификацию, нарядив кого-то в Издатели "Бахчисарайского фонтана" и пустив его в разговор с Классиком, себе споручным.

За обязанность поставлю вывести из заблуждения легковверных читателей, удостоверив их, что я, нижеподписавшийся, законный и единственный Издатель "Бахчисарайского фонтана", не имел никогда разговора, подобного напечатанному в 5-й книжке "Вестника Европы", и отроду иметь не мог, да и впредь иметь не могу, потому что я свойства нетерпеливого.

Признаюсь откровенно, что с первых приемов мнимого моего собеседника поворотился бы я к нему спиною, оставя дальнейшие возражения, ибо не умею выносить хладнокровно пустословия, в особенности же того, которое даже и не облечено в вежливость общежительной образованности.

Для большего удостоверения в подлоге того разговора замечу, что классиков, каковы Классик моего предисловия и Классик "Вестника Европы", везде много; что классик - имя *нарицательное*; что не определено у меня, с которым из них входил я в речь; но что *Издатель "Бахчисарайского фонтана"* есть лицо определенное, и, следовательно, в отношении к нему не может быть недогадки. Впрочем, если захотеть, то можно бы легко и к *лицу без образа* "Вестника Европы" применить черты знакомые. Оно классическое лицо укоряет меня в *молодости*: это давняя замашка! Уже не в первый раз, за недостатком лучших возражений, называли своих противников *недоучившимися студентами, детьми, незадолго пред сим вышедшими из-под ферулы*⁵. Что ни говори, а подобные упреки живо отзываются бессильною злобою и желчью пожилого педагога, который гневается, что ученики переросли учителей и что дарования первых процветают, когда слава других, как баснословное предание, ветшает с каждым днем. Наш новый мистификатор в прозорливом всеведении своем знает и то, что я не учился ни в каком университете. Учиться в университетах - хорошо, но не довольно: можно не только, *учившись*, ничему не *выучиться*, но мы видим примеры, что можно даже и *учить*, ничего не зная основательно⁶.

Главным и единственным побуждением моим было изобличить подлог разговора, напечатанного в "Вестнике Европы", а потому не войду в исследование всех несообразностей, сказанных и Классиком, и мнимым Издателем. Мое дело было только отклонить от себя худую славу; но предоставляю пользоваться ею безмятежно, кому принадлежит она по праву. К тому же зачем указывать на то, что явно и что так торжественно оправдывает мнение, изложенное в предисловии к "Бахчисарайскому фонтану", что *"если из всего сказанного и пересказанного в журналах наших насчет романтических опытов исключить грубые личности и пошлые насмешки, то, без сомнения, каждый легко уверится, что мой собеседник под пару своими журнальным клеветам"*. Кстати, однако же, приходится здесь заметить невинное признание Классика "Вестника Европы" и приятелей его (ибо у него нет првятелей*⁷), что Классик моего предисловия - *совсем не классик!* - Слава Богу, что догадались! А конечно, он не классик в истинном значении, достойный уважения; но классик в превратном смысле, достойный осмеяния! И потому-то